книгу, развернула ее—и тотчасъ явились къ ней два великана: «что угодно, что надобно?» — «А вотъ что, слуги мои вѣрные! понесите меня вмѣстѣ съ зятемъ на окіанъ-море широкое, и станьте какъ разъ на срединѣ—на самой пучинѣ». Тотчасъ подхватили великаны стрѣльца со старухою, понесли ихъ, словно вихри буйные, на окіанъ-море широкое, и стали на срединѣ — на самой пучинѣ: сами какъ столбы стоятъ, а стрѣльца со старухою на рукахъ держатъ. Крикнула старуха громкимъ голосомъ—и приплыли къ ней всѣ гады и рыбы морскія; такъ и кишатъ! изъ-за нихъ синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морскіе! Вы вездѣ плаваете, не слыхали-ль, какъ *дойти туда—не знаю куда, принести то—не знаю что?*» Всѣ гады и рыбы въ одинъ голосъ отвѣчали: «нѣтъ, мы про то не слыхивали!» Вдругъ протѣснилась впередъ старая колченогая лягушка, и говоритъ: «ква-ква! Я знаю, гдѣ эдакое диво найти».—«Ну, милая, тебя-то мнѣ и надобно!» сказала старуха, взяла лягушку и велѣла великанамъ себя и зятя домой отнесть. Мигомъ очутились они во дворцѣ. Стала старуха лягушку допытывать: «какъ и какою дорогою моему зятю идти?» Отвѣчаетъ лягушка: «это мѣсто на краю свѣта — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да ужъ больно стара, еле ноги волочу: мнѣ туда въ пятьдесятъ лѣтъ не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свѣжимъ молокомъ, посадила въ нее лягушку, и даетъ зятю: «неси», говоритъ, «эту банку въ рукахъ, а лягушка пускай тебѣ дорогу показываетъ». Стрѣлецъ взялъ банку съ лягушкою, попрощался съ тещей и свояченицами, и отправился въ путь. Онъ идетъ, а лягушка ему до

рогу показываетъ. Близко-ли, далеко-ли, долго-ли, коротко-ли—приходитъ къ огненной рѣкѣ, за тою рѣкой—высокая гора, въ той горѣ дверь видна. «Ква-ква!» говоритъ лягушка, «выпусти меня изъ банки: надо намъ черезъ рѣку переправиться». Стрѣлецъ вынулъ ее изъ банки и пустилъ

на́-земь. «Ну, добрый молодецъ! садись на меня, да плотнѣе; небось, не раздавишь!» Стрѣлецъ сѣлъ на лягушку и прижалъ ее къ самой землѣ; начала лягушка дуться: дулась-дулась и сдѣлалась такая большая, словно стогъ сѣнной. У стрѣльца только и на умѣ, какъ-бы съ нея не свалиться: «коли свалюсь, до смерти ушибусь!» Лягушка надулась, да какъ прыгнетъ—перепрыгнула однимъ прыжкомъ черезъ огненную рѣку, и опять сдѣлалась маленькою. «Теперь, добрый молодецъ, ступай въ эту дверь, а я тебя здѣсь подожду: войдешь ты въ пещеру, и хорошенько спрячься. Спустя нѣкое время придутъ туда два старца; слушай, что они говорить и дѣлать будутъ, а послѣ, какъ они уйдутъ, и самъ тоже говори и дѣлай!» Стрѣлецъ подошелъ къ горѣ, отворилъ дверь — въ пещерѣ такъ темно, хоть глазъ выколи! полѣзъ на корачкахъ

и сталъ руками кругомъ себя щупать; нащупалъ пустой шкапъ, сѣлъ въ него и закрылся. Вотъ, немного погодя, приходятъ туда два старца и говорятъ: «эй, Шматъ-разумъ! покорми-ка насъ». Въ тужь минуту—откуда что́ взялось!—зажглись люстры, загремѣли блюда и тарелки, и явились

на столѣ разныя вина и кушанья. Старики напились, наѣлись, и приказываютъ: «эй, Шматъ-разумъ! Убери все». Вдругъ ничего не стало—ни стола́, ни винъ, ни кушаньевъ, и люстры всѣ погасли. Слышитъ стрѣлецъ, что два старца ушли, вылѣзъ изъ шкапа и крикнулъ: «эй, Шматъ-разумъ!» — «Что угодно?» — «Покорми меня!» Опять явились: и люстры зажженныя, и столъ накрытый, и всякіе напитки и кушанья. Стрѣлецъ сѣлъ за столъ и говоритъ: «эй, Шматъ-разумъ! Садись, братъ, со мною; станемъ пить-ѣсть вмѣстѣ, а то одному мнѣ скучно». Отвѣчаетъ невидимый голосъ: «ахъ, добрый человѣкъ! Откудова тебя Богъ принесъ? Скоро тридцать лѣтъ, какъ я здѣшнимъ двумъ старцамъ вѣрой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня съ со-

бой не сажали». Смотритъ стрѣлецъ и удивляется: никого не видать, а кушанья съ тарелокъ словно кто метелочкой подметаетъ, а бутылки съ виномъ сами подымаются, сами въ рюмки наливаются, глядь—ужъ и пусты! Вотъ стрѣлецъ наѣлся-напился, и говоритъ: «послушай, Шматъ-разумъ! Хочешь мнѣ служить? У меня житье хорошее». — «Отчего не хотѣть! мнѣ давно надоѣло здѣсь, а ты, вижу,—человѣкъ добрый».—«Ну, прибирай все, да пойдемъ со мною». Вышелъ стрѣлецъ изъ пещеры, оглянулся назадъ — нѣтъ никого... «Шматъ-разумъ! ты здѣсь?»—«Здѣсь! не бойся, я отъ тебя не отстану». — «Ладно!» сказалъ стрѣлецъ, и сѣлъ на лягушку; лягушка надулась и перепрыгнула черезъ огненную рѣку; онъ посадилъ ее въ банку и пустился въ обратный путь. Пришелъ къ тещѣ и заставилъ своего новаго слугу хорошенько угостить и старуху, и дочекъ. Шматъ-разумъ такъ ихъ употчивалъ, что старуха съ радости чуть плясать не пошла, а лягушкѣ, за ея вѣрную службу, назначила по три банки молока въ день давать. Стрѣлецъ распрощался съ тещею и пустился домой. Шелъ-шелъ, и сильно уморился; притоптались его ноги скорыя, опустились руки бѣлыя: «эхъ», говоритъ, «Шматъ-разумъ! Кабы вѣдалъ ты, какъ я усталъ; просто, ноги отымаются».—«Что-жъ ты мнѣ давно не скажешь? Я-бъ тебя живо на мѣсто доставилъ». Тотчасъ подхватило стрѣльца буйнымъ вихремъ, и понесло по воздуху такъ шибко, что съ головы шапка свалилась. «Эй, Шматъ-разумъ! постой на минутку, у меня шапка свалилась».—«Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысячъ верстъ отсюда». Города и деревни, рѣки и лѣса такъ и мелькаютъ у стрѣльца подъ ногами...

Вотъ летитъ стрѣлецъ надъ глубокимъ моремъ, и гласитъ ему Шматъ-разумъ: «хочешь — я на этомъ морѣ золотую бесѣдку сдѣлаю! можно будетъ отдохнуть да и счастья добыть». — «А ну, сдѣлай!» сказалъ стрѣлецъ, и сталъ опускаться на море. Гдѣ за минуту волны плескались—тамъ появился островокъ, а на островку золотая бесѣдка Говоритъ стрѣльцу Шматъ-разумъ: «садись въ бесѣдку, отдыхай, на море поглядывай; будутъ плыть мимо три купеческихъ корабля и пристанутъ къ острову; ты зазови купцовъ, угости-употчивай и промѣняй меня на три диковинки, что́ купцы съ собой везутъ. Въ свое время я къ тебѣ назадъ вернусь!» Смотритъ стрѣлецъ—и точно съ западной стороны плывутъ три корабля; увидали корабельщики островъ и золотую бесѣдку: «что за чудо!» говорятъ, «сколько разъ мы тутъ плавали, кромѣ воды ничего не было, а тутъ—на́-поди! золотая бесѣдка явилась. Пристанемте, братцы, къ берегу, поглядимъ-полюбуемся». Тотчасъ опустили паруса и бросили якори; три купца-хозяина сѣли на легкую лодочку и поѣхали на островъ. «Здравствуй, добрый человѣкъ!»—«Здравствуйте, купцы заѣзжіе, люди торговые! милости просимъ ко мнѣ, погуляйте, повеселитесь, роздыхъ возьмите: нарочно для заморскихъ гостей и бесѣдка выстроена». Купцы вошли въ бесѣдку, сѣли на скамеечку. «Эй, Шматъ-разумъ! закричалъ стрѣлецъ, дайка намъ попить-поѣсть». Явился столъ, на столѣ вина и кушанья; чего душа захочетъ — все мигомъ исполнено! Купцы только ахаютъ: «давай», говорятъ, «мѣняться! ты намъ своего слугу отдай, а у насъ возьми за то любую диковинку».—«А какія у васъ диковинки?»—«Посмотри—

увидишь!» И вынулъ одинъ купецъ изъ кармана маленькій ящичекъ; только открылъ его: — тотчасъ по всему острову славный садъ раскинулся, и съ цвѣтами, и съ дорожками; а закрылъ ящичекъ—и садъ пропалъ. Другой купецъ вынулъ изъ-подъ полы топоръ и началъ тяпать: тяпъ-да-ляпъ—вышелъ корабль! тяпъ-да-ляпъ — еще корабль! Сто разъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ, съ парусами, съ пушками и съ матросами; корабли плывутъ, въ пушки палятъ, отъ купца приказа спрашиваютъ... Натѣшился онъ, спряталъ свой топоръ—и корабли съ глазъ изчезли, словно ихъ и не бывало! Третій купецъ досталъ рогъ, затрубилъ въ одинъ конецъ—тотчасъ войско явилося: и пѣшее, и конное, со пищалями, со знаменами; и во всѣхъ-то полкахъ гремитъ музыка; какъ жаръ на солнцѣ горятъ доспѣхи воинскіе. Натѣшился купецъ, взялъ трубу, затрубилъ съ другаго конца — и нѣтъ ничего, куда вся сила дѣвалася! «Хороши ваши диковины, да мнѣ не пригодны!» сказалъ стрѣлецъ; войска да корабли—дѣло царское, а я простой стрѣлецъ. Коли хотите со мной помѣняться, такъ отдайте мнѣ за одного слугу-невидимку всѣ три диковинки». — «Не много ли будетъ?» — «Ну, какъ знаете; а я иной мѣны не желаю!» Купцы подумали про себя: «на что намъ этотъ садъ, эти полки и военные корабли? лучше помѣняться: по крайней мѣрѣ безъ всякой заботы будемъ и сыты, и пьяны». Отдали стрѣльцу свои диковинки, и говорятъ: «эй, Шматъ-разумъ! мы тебя беремъ съ собою; будешь-ли намъ служить вѣрой-правдою?» — «Отчего не служить? мнѣ все равно — у кого не жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всѣхъ корабельщиковъ

поить-угощать: «ну-ка, Шматъ-разумъ, поворачивайся!» Перепились всѣ до-пьяна и заснули крѣпкимъ сномъ. А стрѣлецъ сидитъ въ золотой бесѣдкѣ, призадумался и говоритъ: «эхъ, жалко мнѣ моего вѣрнаго слуги, Шмата-разума, гдѣ-то онъ теперь?»—«Я здѣсь, господинъ!» Стрѣлецъ обрадовался: «не пора-ли намъ домой поспѣшать?» Только сказалъ, какъ вдругъ подхватило его буйнымъ вихремъ и понесло по воздуху.

Купцы проснулись и захотѣлось имъ выпить съ похмѣлья: «эй, Шматъ-разумъ! дай-ка намъ опохмѣлиться». Никто не отзывается, никто не прислуживаетъ. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — а толкъ-то все тотъ-же! «Ну, господа! надулъ насъ этотъ хитрецъ. Теперь чортъ его найдетъ! и островъ пропалъ, и золотая бесѣдка сгинула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились—куда имъ было надобно.

Прилетѣлъ стрѣлецъ въ свое государство, опустился возлѣ синяго моря на пустомъ мѣстѣ. «Эй, Шматъ-разумъ! нельзя-ли здѣсь дворецъ выстроить?»—«Отчего нельзя! сейчасъ готовъ будетъ. И вмигъ дворецъ поспѣлъ, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевскаго. Стрѣлецъ открылъ ящичекъ, и кругомъ дворца садъ явился, съ дорогими деревьями, съ диковинными цвѣтами. Вотъ сидитъ стрѣлецъ у открытаго окна да на свой садъ любуется—вдругъ влетѣла въ окно горлица, ударилась о земь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались. Говоритъ стрѣльцу жена: «съ той самой поры, какъ ты изъ дому ушелъ, я все время по лѣсамъ да по рощамъ сирой горлинкой перелетывала. То-то мы теперь съ тобою хорошо поживемъ!»

На другой день поутру вышелъ король на крыльцо, глянулъ на сине море, и видитъ—на самомъ берегу стоитъ новый дворецъ, а кругомъ дворца зеленый садъ. «Какой это невѣжа вздумалъ безъ спросу на моей землѣ строиться?» Побѣжали гонцы, развѣдали и докладываютъ, что дворецъ тотъ стрѣльцомъ поставленъ, и живетъ во дворцѣ онъ самъ, и жена при немъ. Король пуще разгнѣвался, приказалъ собрать войско и идти на взморье, садъ до тла разорить, дворецъ на мелкія части разбить, а самого стрѣльца и съ женою къ себѣ привести. Увидалъ стрѣлецъ, что идетъ на него сильное войско королевское, схватилъ поскорѣй топоръ: тяпъ-ляпъ — вышелъ корабль! Сто разъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ. Потомъ вынулъ рогъ, затрубилъ разъ — повалила пѣхота, затрубилъ въ другой—повалила конница. Бѣгутъ къ нему ото всѣхъ полковъ начальники, спрашиваютъ его стрѣльцова приказа. Приказалъ стрѣлецъ начать сраженіе: загремѣла музыка, затрещали барабаны, полки противъ королевской рати двинулись: пѣхота ее стѣной ломитъ, конница съ боковъ рубитъ, въ плѣнъ забираетъ, а съ корабликовъ по стольному городу изъ пушечекъ палятъ. Король видитъ, что вся его рать бѣжитъ, бросился было самъ ее останавливать—да куда! Не успѣлъ и мигнуть, какъ его въ лютой сѣчѣ съ коня сбили и въ толпѣ затоптали. Когда кончилась битва, собрался народъ и началъ стрѣльца просить, чтобы взялъ въ свои руки все государство. Онъ на то свое согласье далъ и весь свой вѣкъ тѣмъ царствомъ мирно управлялъ.

Три царства.

Одного царя была жена-красавица, Настасья-золотая коса, и три сына: Петръ-царевичъ, Василій-царевичъ и Иванъ-царевичъ. Пошла царица съ своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдругъ поднялся такой сильный вихрь — что и Боже мой! схватилъ царицу и невѣдомо куда унесъ. Царь запечалился-закручинился, и не вѣдаетъ, какъ ему быть? Подросли царевичи; царь и говоритъ имъ: «дѣти мои любезные! кто изъ васъ поѣдетъ — мать свою отыщетъ?» Собрались два старшіе сына и поѣхали; а за ними и младшій сталъ у отца проситься. «Нѣтъ», говоритъ царь, «ты, сынокъ, не покидай меня старика одного». — «Родимый батюшка! страхъ какъ хочется по бѣлу свѣту постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривалъ, отговаривалъ, не могъ отговорить: «ну, дѣ-

лать нечего, ступай; Богъ съ тобой!» Иванъ-царевичъ осѣдлалъ своего добраго коня и пустился въ путь-дороженьку. Ѣхалъ-ѣхалъ, долго-ли, коротко-ли, и пріѣхалъ къ синю морю, остановился на бережкѣ и думаетъ: «куда теперь путь держать?» Вдругъ прилетѣли на море тридцать три голубицы, ударились о-земь и стали красныя дѣвицы — всѣ хороши, а одна лучше всѣхъ—раздѣлись и бросились въ воду. Много-ли, мало-ли онѣ купались—Иванъ-царевичъ подкрался, взялъ у той дѣвицы, что всѣхъ краше, кушачокъ и спряталъ за пазуху. Искупались дѣвицы, вышли на берегъ, начали одѣваться—одного кушачка нѣтъ. «Ахъ, Иванъ-царевичъ!» говоритъ красавица, «отдай мой кушачокъ».—«Скажи прежде, гдѣ моя матушка?»—«Я про это знать-не-знаю, вѣдать-не-вѣдаю; а вотъ, ступай въ ближній лѣсокъ,—тамъ моя бабушка живетъ, и та тебѣ вѣрно скажетъ». Отдалъ ей кушачокъ Иванъ-царевичъ, поѣхалъ въ лѣсокъ, и не долго ѣхалъ—видитъ, въ глуши лѣсной, на проталинкѣ, стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ... Сдержалъ онъ коня богатырскаго, постучался въ окошечко— вышла къ нему старая-престарая баба-яга.—«Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, добрый молодецъ! Куда ѣдешь, далеко-ли путь держишь?» — «Ищу мать свою Настасью-золотую косу. Какой-то Вихрь ее изъ саду похитилъ. Не знаешь-ли, какъ мнѣ ее найти?!» И говоритъ царевичу баба-яга: «ступай вверхъ по морю, попадется тебѣ серебряная птичка-золотой хохолокъ; куда она полетитъ, туда и ты иди». Поѣхалъ Иванъ-царевичъ вверхъ по морю, видитъ: братья его Петръ-царевичъ и Василій-царевичъ стоятъ въ чистомъ полѣ лагеремъ и множество войска съ ними.

Братья его встрѣтили: «ба! ты куда, Иванъ-царевичъ?» — «Да что», говоритъ, «дома соскучился и задумалъ ѣхать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поѣдемъ всѣ вмѣстѣ». Они такъ и сдѣлали: отпустили войско и поѣхали втроемъ. Идутъ они вмѣстѣ берегомъ, увидали серебряную птичку-золотой хохолокъ и побѣжали за ней слѣдомъ. Птичка летѣла-летѣла и бросилась подъ плиту желѣзную, въ яму подземельную. «Ну, братцы!» говоритъ Иванъ-царевичъ, благословите меня, вмѣсто отца, вмѣсто матери, опущусь я въ эту яму и узнаю, каково есть царство подземное? Не тамъ-ли наша матушка?» Братья его благословили, онъ сѣлъ на ремни, сползъ въ ту яму глубокую и спускался ни много, ни мало—ровно три часа. Отдохнулъ немного и пошелъ; шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, смотритъ — мѣдный дворецъ стоитъ; у воротъ страшныя змѣи на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы, такъ и кишатъ! А подлѣ колодезь, у колодезя мѣдный ковшъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ ковшомъ воды, напоилъ змѣй; онѣ присмирѣли, прилегли, онъ и прошелъ во дворецъ. Выходитъ къ нему мѣднаго царства царица: «кто таковъ, добрый молодецъ?» — «Я—Иванъ-царевичъ». — «Что», спрашиваетъ, «своей охотой, или неволей зашелъ сюда, Иванъ-царевичъ?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью-золотую косу. Какой-то Вихрь ее изъ саду похитилъ. Не знаешь-ли, гдѣ она?» — «Нѣтъ не знаю; а вотъ недалеко отсюда живетъ моя середняя сестра, серебрянаго царства царица; можетъ, она тебѣ скажетъ». Дала ему мѣдный шарикъ и мѣдное колечко: «шарикъ», говоритъ, «доведетъ тебя до середней сестры, а въ этомъ колечкѣ все

мѣдное царство состоитъ. Когда побѣдишь Вихря, который и меня здѣсь въ плѣну держитъ, то не позабудь меня бѣдной— возьми съ собою на вольный бѣлый свѣтъ».—«Хорошо», отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, взялъ бросилъ мѣдный шарикъ— шарикъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ. Приходитъ въ серебряное царство и видитъ дворецъ лучше прежняго—весь серебряный; у воротъ страшныя змѣи на серебряныхъ цѣпяхъ прикованы, а подлѣ—колодезь съ серебрянымъ ковшомъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ воды, напоилъ змѣй—онѣ улеглись и пропустили его во дворецъ. Выходитъ царица серебрянаго царства: «ужъ скоро три года, говоритъ, «какъ держитъ меня здѣсь могучій Вихрь,—я русскаго духу слыхомъ не слыхала, видомъ не видала, а теперь русскій духъ въ очью совершается. Кто таковъ, добрый молодецъ?»—«Я—Иванъ-царевичъ».—«Какъ-же ты сюда попалъ—своею охотою, али неволею?—«Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она въ зеленомъ саду погулять, какъ поднялся Вихрь и умчалъ ее невѣдомо куда. Не знаешь-ли, гдѣ найти ее?»—«Нѣтъ, не знаю; а живетъ здѣсь недалеко старшая сестра моя, золотаго царства царица, Елена-Прекрасная; можетъ, она тебѣ скажетъ. Вотъ тебѣ серебряный шарикъ, покати его передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ; онъ тебя доведетъ до золотаго царства. Да смотри, какъ убьешь Вихря—не забудь меня бѣдной; вызволи отсюда и возьми съ собой на вольный свѣтъ» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ: куда шарикъ покатился, туда и онъ направился. Долго-ли, коротко-ли, увидалъ— золотой дворецъ стоитъ, какъ жаръ горитъ; у воротъ кишатъ страшныя змѣи—на золотыхъ цѣпяхъ прикованы, а

возлѣ колодезь, и у колодезя золотой ковшъ на золотой цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ ковшомъ воды и напоилъ змѣй; онѣ улеглись, присмирѣли. Входитъ царевичъ во дворецъ; встрѣчаетъ его Елена-Прекрасная: «кто таковъ, добрый молодецъ?» — «Я — Иванъ-царевичъ». — «Какъ-же ты сюда зашелъ — своей-ли охотою, али неволею?» — «Зашелъ я охотою; ищу свою матушку Настасью-золотую косу. Не вѣдаешь-ли, гдѣ ее найти?» — «Какъ не вѣдать! Она живетъ недалече отсюдова, и летаетъ къ ней Вихрь разъ въ недѣлю, а ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Вотъ тебѣ золотой шарикъ, покати передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ — онъ доведетъ тебя куда надобно; да вотъ еще, возьми золотое колечко — въ этомъ колечкѣ все золотое царство состоитъ! Смотри-же царевичъ: какъ побѣдишь ты Вихря, не забудь меня, бѣдной, возьми съ собой на вольный свѣтъ». — «Хорошо», говоритъ, «возьму!» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ и пошелъ за нимъ; шелъ-шелъ и приходитъ къ такому дворцу, что и—Господи Боже мой! Такъ и горитъ въ жемчугахъ да въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ. У воротъ шипятъ шестиглавые змѣи; Иванъ-царевичъ напоилъ ихъ, змѣи присмирѣли и пропустили его во дворецъ. Проходитъ царевичъ большими покоями и въ самомъ дальнемъ находитъ свою матушку: сидитъ она на высокомъ тронѣ, въ царскіе наряды убрана, драгоцѣнной короной увѣнчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «ахъ, Боже мой? Ты-ли сынъ мой возлюбленный? Какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ», говоритъ, «за тобой пришелъ». — «Ну, сынокъ! Трудно тебѣ будетъ. Вѣдь здѣсь на горахъ царствуетъ злой, сильно-могучій Вихрь и всѣ